

© 2004 г.

В. Р. Эрлих

МЕОТСКОЕ СВАТИЛИЩЕ В АБХАЗИИ

В настоящей статье речь пойдет об одном интересном феномене – находке конских ритуальных захоронений с уздой кубанского облика на поселении в районе порта г. Очамчира в Юго-Восточной Абхазии. Это поселение большинством исследователей соотносится с Гюэносом – греческим полисом, впервые упомянутым у Псевдо-Скилака (Ps.-Ssyl. 81).

Исследование этого поселения на левом берегу реки Джикумур (Чаникуара), начатое в 1935–1936 гг. археологами Л.Н. Соловьевым, М.М. Иващенко и Б.А. Куфтиным, выявило три основных слоя: энеолит–ранняя бронза, античность и средневековье¹. Начиная с 1977 г. работы проводились на восточном холме (№ 3) поселения под руководством М.Б. Барамидзе (1977) и С.М. Шамба (1981, 1984, 1985). Здесь слой энеолита–ранней бронзы отсутствовал. Нижний (античный) слой холма отнесен С.М. Шамба, который посвятил этим исследованиям специальную работу, к VI – началу IV в. до н.э. В IV в. до н.э. поселение прекращает свое существование. Жизнь здесь возобновляется лишь на рубеже V–VI вв. н.э., когда была построена христианская церковь².

Позднейшими комплексами слоя античного времени Гюэноса автор считает погребения конских черепов с уздой³.

Первый комплекс был выявлен при раскопках М.Б. Барамидзе в 1977 г.⁴, а семь других – при исследованиях С.М. Шамба. Из них три комплекса были открыты в 1984 г. на раскопе № 2⁵. Еще четыре комплекса, состоящих из конских черепов и узды, найдены в 1985 г. при исследовании раннехристианской церкви, на глубине 40–50 см от уровня ее пола⁶. Как указывает С.М. Шамба, все находки конских черепов, обнаруженных в разные годы, происходят с одного участка поселения⁷.

Комплекс, открытый экспедицией М.Б. Барамидзе, был найден в третьем слое небольшого (площадью 5 × 5 м) раскопа, на глубине ок. 70 см от современной поверхности. Судя по описанию исследователя и его соавторов⁸, а так-

¹ Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси, 1950. С. 250 сл.

² Шамба С.М. Гюэнос-I. Тбилиси, 1988.

³ Там же. С. 64.

⁴ Барамидзе М., Пахкадзе Г., Бжания В., Шамба Г., Квиртквелия Г., Чигишвили Т., Орджоникидзе А., Гунба М., Голубева Л. Археологические исследования в Абхазии // Полевые археологические исследования 1977 г. Тбилиси, 1980. С. 116–117.

⁵ Шамба. Ук. соч. С. 32–34.

⁶ Там же. С. 55–57.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Барамидзе и др. Ук. соч. С. 109.

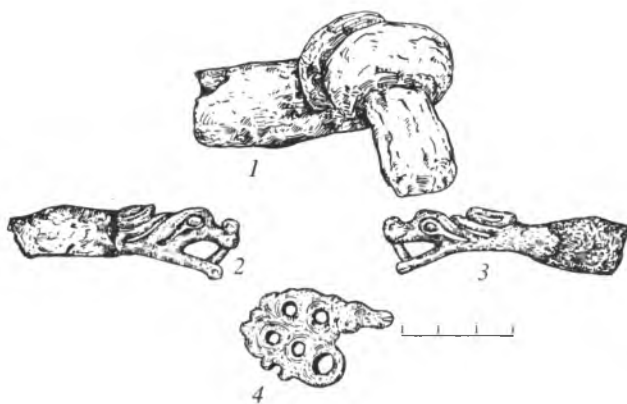

Рис. 1. 1–4 – Гюзнос. Уздечный набор из раскопок М.Б. Барамидзе, 1977 г.
1 – железо, 2–3 – железо и бронза; 4 – бронза

же по фотографии вещей из этого комплекса, сделанной В.Г. Петренко в тог-
дашнем музее в Новом Афоне и любезно нам предоставленной, в этот ком-
плекс входили следующие предметы:

1. Фрагмент железных петельчатых удил (рис. 1, 1).
2. Два фрагмента биметаллических псалия с остатками железных стерж-
ней и бронзовыми окончаниями в виде головок хищника (рис. 1, 2, 3).
3. Бронзовый плоский наносник в виде головки оленя с закинутыми назад
рогами (рис. 1, 4).

Комплексы, открытые С.М. Шамба в 1984 г., были найдены на раскопе №
2 (размер 10 × 10 м) на глубине 65–90 см⁹.

Комплекс № 1 состоял из сильно истлевшего черепа лошади. В состав уз-
ды входили следующие детали.

1. Налобник в виде плоской пластины с расширяющимися краями. Лицевая
сторона в нижней части украшена гравированным изображением головы хищ-
ника (волка), в обрамлении передних лап. В средней части пластины находятся
симметричные изображения птичьих головок. Край пластины украшен грави-
рованным точечным орнаментом в виде кружков и насечек (бегущая волна)
(рис. 2, 1).

2. Два бронзовых двудырчатых прямых псалия с ребристой поверхностью
(рис. 2, 2).

3. Две бронзовых бляхи с округлым щитком и петлей на обороте, у одной
бляхи петля обломана (рис. 2, 3).

Комплекс № 2 находился в 90 см к востоку от комплекса № 1. Здесь вместе
с плохо сохранившимися железными удилами найдены следующие детали
конской узда.

1. Два (биметаллических?) S-видных псалия с окончаниями в виде головок
хищника (рис. 2, 4).

2. Три округлые бляшки-розетки с петлей на обороте (рис. 2, 5).

3. Плоский наносник в виде птичьего крыла, окончание которого оформ-
лено в виде головки хищной птицы (рис. 2, 6).

⁹ Шамба. Ук. соч. С. 33 сл.

Рис. 2. Гюзнос. Уздечные наборы лошадей 1–3, 1984 г. 1–3 – лошадь 1; 4–6 – лошадь 2; 7–9 – лошадь 3; 4 – бронза и железо, остальное – бронза

В комплекс № 3, обнаруженный в соседнем квадрате раскопа, входили, помимо плохо сохранившихся железных удиц, следующие вещи.

1. Бронзовый ажурный налобник в виде стилизованных антитетических головок оленя с рогами (рис. 2, 7).

2. Парные симметричные Г-образные бронзовые псалии с пластиной в виде стилизованной головы оленя в профиль, рога которого оформлены в виде головок хищных птиц (рис. 2, 8, 9).

Еще четыре комплекса конской упряжи С.М. Шамба нашел в 1985 г. на раскопе № 1 при доисследовании раннесредневековой церкви. Как указывает автор, они находились на глубине 40–50 см от уровня пола церкви. Одно из конских захоронений (№ 3) было обнаружено за пределами храма, три дру-

Рис. 3. Гюэнос. Уздечные наборы лошадей 1-2, 1985 г. 1-3 – лошадь 1; 4-6 – лошадь 2; 2, 6 – бронза и железо, остальное – бронза

гих найдены при исследовании средней части наоса на площади около 4 м². Все эти комплексы состояли из плохо сохранившихся конских черепов и уздечных наборов¹⁰.

Комплекс № 1 включал следующие детали.

1. Пара железных петельчатых удили со «строгими» шипастыми насадками.
2. Бронзовый гравированный налобник в виде припавшего на передние лапы хищника с неестественно закинутыми на спину задними лапами. Весь контур фигуры образует S-видную схему. Спина животного, шея и пасть окаймлены гравированными полосами насечек – «ребриком» (рис. 3, 1).

¹⁰ Там же. С. 55.

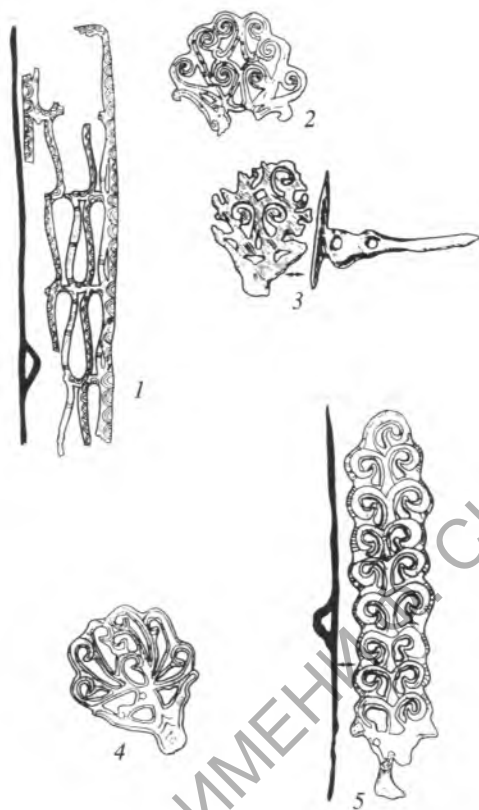

Рис. 4. Гюэнос. Уздечные наборы лошадей 3 и 4, 1985 г. 1–3 – лошадь 3; 4, 5 – лошадь 4. Все бронза

3. Пара Г-образных двудырчатых псалиев с пластиной в виде лапы хищника. Длина псалиев 12 и 12,3 см (рис. 3, 2, 3).

В комплекс № 2 узды этого раскопа входили следующие детали.

1. Фрагменты железных петельчатых удил с шипастыми насадками.

2. Фрагментированный налобник, представляющий собой антитетичную композицию – хищник против другого зверя (копытного?). Если левая фигура хищника имеет широко раскрытую пасть, то у правой противостоящей фрагментированной фигуры пасть заостренная. У последнего животного имеется длинная «слезница», доходящая до шеи, которая обычно изображается у копытных. Очевидно, здесь изображается одна из модификаций сцены «терзания». В нижней части налобника соблюдена симметрия и имеются гравированные изображения двух пар симметричных по горизонтали птичьих головок (рис. 3, 4).

3. Двудырчатые парные Г-образные псалии. Их пластины представляют собой симметричные головы оленей с рогами, имеющими три отростка, которые оканчиваются головками хищных птиц. Длина псалиев 10,5 см (рис. 3, 5, 6).

В уздечный комплекс № 3 этого раскопа входили следующие предметы.

1. Подпрямоугольный ажурный налобник высотой около 25 см и шириной 5 см (рис. 4, 1).

2. Пара двудырчатых Г-образных псалиев с пластиной, схематично передающей голову оленя, с симметричными рогами, заканчивающимися головками хищных птиц (рис. 4, 2, 3).

Комплекс № 4 раскопа 1985 г. состоял из двух предметов – псалия и налобника.

Псалий однотипен Г-образному двудырчатому псалию с пластиной в виде головы оленя с симметричными рогами из комплекса № 3 этого раскопа (рис. 4, 4).

Ажурный, несколько фрагментированный налобник этого комплекса представляет собой схематично переданную головку оленя с многоярусными рогами (рис. 4, 5).

Таким образом, на городище Гюэнос в разное время было встречено 8 конских черепов с уздой или уздечных комплектов. Прежде всего бросается в глаза близость бронзовых изделий из Гюэноса, особенно выполненных в зверином стиле, к прикубанским. Большинству их присущи черты, свойственные кубанскому звериному стилю: ажурность, сочетание зооморфной и растительной орнаментации, распространение многочисленных стилизаций оленьих рогов, геральдических и антитетических композиций¹¹.

Сужая хронологические и стилистические рамки поиска, можно сказать, что вещи, найденные в Гюэносе, характерны для прикубанских изделий стиля курганов станицы Елизаветинской, выделенных Е.В. Переводчиковой¹². Характеристику этому стилю недавно удачно дала Е.Ф. Королькова: «Стиль этих художественных изделий отличается обобщенностью образов, сложными текучими ритмами и плавностью контуров, подчеркнутой зачастую характерным рубчатым кантом; плоскостностью и графичностью решения; вытянутостью пропорций и декоративностью... стилизованных изображений... обилием дополнительных звериных мотивов... сочетанием признаков разных животных в едином образе... зооморфными завершениями отростков рогов»¹³. Попробуем рассмотреть хронологию и культурную атрибуцию найденных здесь предметов.

Удила. Судя по описанию авторов раскопок, удила, встреченные в этих уздечных комплектах, однотипны – это железные петельчатые удила со «строгими» крестовидными насадками, чрезвычайно характерные для этого времени во всем скифском мире. В Закубанье подобный тип удил появляется еще в VII в. до н.э., а крестовидные насадки – уже V в. до н.э. (11 Ульский курган).

Все псалии, встреченные при конских жертвоприношениях, – двудырчатые. Они появляются в скифском мире еще в VI в. до н.э. Биметаллические псалии, имеющие железную центральную часть и бронзовые приливы в виде головок животного, встречены в комплексе, раскопанном М. Барамидзе, а также в комплексе № 2 1984 г. Во всех случаях они имели приливы в виде головок хищника.

В скифо-сарматском мире биметаллические псалии достаточно редки. Наиболее ранние железные псалии с бронзовыми зооморфными окончаниями обнаружены в могильнике Пятимары I на территории сарматов и относятся к V в. до н.э., есть они и в 6-м Филипповском кургане¹⁴. Биметаллические псалии также найдены в комплексах IV в. до н.э. на Среднем и Нижнем

¹¹ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 327; *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. С. 201; *Коровина А.К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 183–185; *Переводчикова Е.В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 45 сл.; *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 91–92.

¹² *Переводчикова.* Ук. соч. С. 45–50.

¹³ *Королькова.* Ук. соч. С. 92.

¹⁴ *Смирнов К.Ф.* Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 322. Рис. 29, 4а; *The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures of the Russian Steppe.* N. Y., 2000. Cat. no. 117.

Дону (Дуровка, курган 9; Шолоховский курган; погребение 2 кургана 4 (1967 г.) в Ростове-на-Дону)¹⁵.

Однако наибольшее количество находок биметаллических псалиев обнаружено в Прикубанье. С-видные и S-видные биметаллические псалии найдены в Говердовских курганах 6 и 7 возле Майкопа, неопубликованных до сих пор, являвшихся, скорее всего, святилищами с конскими жертвоприношениями¹⁶. Известны подобные псалии и в недавно открытом грунтовом могильнике у хут. Прикубанского¹⁷. Еще один псалий из неустановленного прикубанского памятника хранится в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике¹⁸.

Большое количество биметаллических псалиев дало исследование святилищ некрополя II Тенгинского городища. В кургане 1, исследованном в 2000 г., встречено не менее четырех пар биметаллических псалиев¹⁹, еще две пары найдены при исследовании кургана 2 в 2001 г. Наиболее близкие аналогии бронзовым приливам с головками пантер из комплекса в Гюэносе 1977 г. мы находим у биметаллического псалия, найденного в кургане 19 у стан. Воронежской (рис. 5, 9)²⁰. Близки также псалии из 1-го Тенгинского кургана, где помимо головок пантер второй конец оканчивался конским копытом (рис. 5, 11). Еще одна пара псалиев, выполненная в такой же схеме, происходит из стан. Гурийской (раскопки Н.В. Веселовского в 1914 г.) и ныне хранится в Государственном Эрмитаже²¹. По-видимому, к фрагменту биметаллического псалия можно отнести и головку пантеры, обнаруженную нами в фондах Краснодарского государственного музея-заповедника. На втулке этого предмета имелись следы железа²². Украшение бронзовыми приливами железных псалиев парадных уздечек вполне объясняется тем, что ярко начищенная бронза блестела на солнце и издавала выглядела как золото.

Прямые двудырчатые бронзовые псалии, такие как найденные в Гюэносе в комплексе № 1 (1984), получают широкое распространение во всем скифском мире к IV в. до н.э. В Прикубанье короткие прямые бронзовые псалии обнаружены в 1-м Семибратнем кургане и в кургане 30 могильника Начерзий, которые датируются IV в. до н.э.²³ Рифление у прямых двудырчатых псалиев, очевидно, является поздним признаком, поскольку встречено в лесостепных курганах Среднего Дона (Русская Тростянка, курганы 13 и 17) и днепровского Правобережья (Бобрица, курган 63), датируемых IV – началом III в. до н.э.²⁴

¹⁵ Пузикова А.Н. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001. С. 231. Рис. 29, 5; Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 166. Рис. 12; С. 219. Рис. 65, 6.

¹⁶ Нехаев А.А. Отчет адыгейской археологической экспедиции за 1986 год // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 14072. Рис. 101, 123.

¹⁷ Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // III Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар – Анапа, 2001. С. 93.

¹⁸ КГИАМЗ. Инв. № КМ 11030/164.

¹⁹ Эрлих В.Р. Святилище некрополя II Тенгинского городища // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Москва – Армавир. 2002. С. 11.

²⁰ ОАК. 1903. С. 74. Рис. 51. Благодарю сотрудника ГИМ К. Фирсова, любезно ознакомившего меня с этим псалием.

²¹ ГЭ ОВАЕС № 25001/24, 25001/15. Благодарю Л.К. Галанину, ознакомившую меня с этой коллекцией.

²² КМ № 11030/881. Работа в фондах Краснодарского государственного музея-заповедника проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 01-01-38-00а/Ю).

²³ Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья: Дис... канд. ист. наук. М., 1992 // Архив Института археологии РАН. Р-11, № 2509.

²⁴ Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965. С. 85. Табл. 23, 4. Рис. 2, 149; Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья скифского времени. М., 1967. С. 96, 159. Табл. 26, 1.

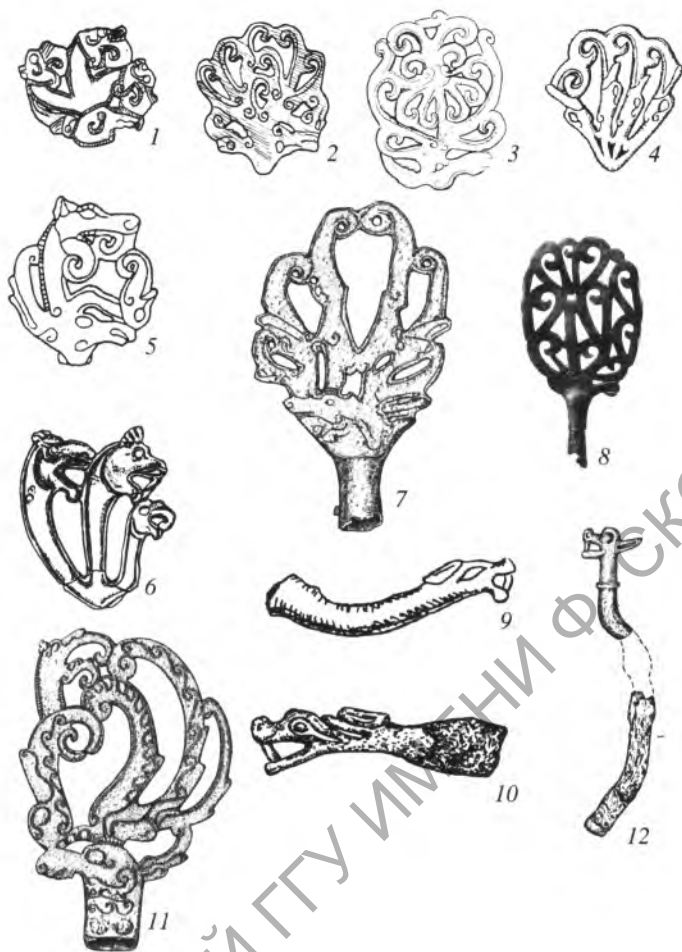

Рис. 5. 1, 2, 10 – Гюэнос. 3, 6 – Елизаветинские курганы; 4 – Семибратний курган 3; 5 – хутор Прикубанский; 7–11 – некрополь II Тенгинского городища, курган 2; 8 – Анап-курган; 9 – ст. Воронежская; 12 – некрополь II Тенгинского городища, курган 1. Все бронза

Интересны Г-образные псалии с ажурной пластиной. Все они (за исключением псалиев в виде лапы) имеют односторонние гравированные изображения, что характерно для прикубанских изделий стиля круга Елизаветинской. В целом все эти пластины и изображения на них мы можем разделить на три варианта.

1. Голова оленя в профиль с симметричными рогами (комплекс № 3 1984 г. и комплексы № 3 и 4 1985 г.). Если в первом комплексе голова оленя видна достаточно отчетливо (рис. 5, 2), гравировкой переданы глаз и ухо животного, то у псалиев из двух других комплексов голова животного дана схематично.

Пластина псалия с головой оленя в профиль с симметричными многорусными рогами, происходящая из Елизаветинских курганов, неоднократно публиковалась (рис. 5, 3). Симметричные рога оленя (однако с головкой обращенной в фас) встречены на гравированной пластине псалия из Кужорского кургана²⁵. Кроме того, эта же или близкая композиция известна и на

²⁵ Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. № 23. С. 91. Рис. 18.

серии кубанских наверший IV в. до н.э. с односторонними изображениями из Анап-курмана²⁶ и на двух найденных в 2001 г. навершиях из курмана № 2 некрополя II Тенгинского городища (рис. 5, 6).

2. Голова оленя в профиль с ассиметричными рогами, имеющими три отростка, – встречена на пластине из второго комплекса 1985 г. (рис. 5, 1). Весьма близко этой композиции изображение на пластинах псалиев из могильника у хут. Прикубанский²⁷. На парных пластинах этих псалиев имеются зеркальные изображения в виде головы оленя с тремя ассиметричными отростками рогов, боковые заканчиваются головками птиц, а центральная – головой хищника (рис. 5, 4). Близкие композиции – рога оленя в виде трех или четырех ассиметричных отростков, хранятся в Краснодарском музее, а также происходят из Кужорского курмана и стан. Елизаветинской²⁸. В курмане № 3 Семибратней группы найдены пластины в виде ассиметричных оленьих рогов, заканчивающихся головами не трех, а четырех хищных птиц²⁹. Еще одна более сложная ассиметричная композиция имеется на навершии с головой оленя из Тенгинского курмана № 2 (рис. 5, 8). Встречаются пластины в виде головы оленя с тремя отростками рогов и на псалиях из Абхазии (Алексеевское ущелье и устье р. Келасури)³⁰.

3. Пластина с тремя отростками рогов, которая одновременно является и головой оленя (лося) и лапой хищника (хищной птицы). Полную аналогию подобным псалиям представляют находки в Елизаветинских курманах в 1913 и 1917 гг.³¹ С.М. Шамба справедливо указал на обнаруженные в Абхазии в устье Келасури и Алексеевском ущелье близкие изображения на пластинах псалиев в виде лап птиц³².

Налобники. Из комплекса № 1 1985 г. происходит налобник в виде хищника – пантеры, припавшей на передние лапы. С.М. Шамба справедливо привел в качестве аналогии ему налобник из курмана-святилища № 2 возле аула Уляп (рис. 6, 2)³³. Следует отметить, что эта схема – хищник с закинутой на спину задней лапой – не столь редка. Из курмана № 2 у ст. Тенгинской происходят два налобника в виде пантеры, выполненные в такой же схеме (рис. 6, 3, 4). Большая пантера покрыта гравировкой, близкой гравировке на налобниках-пантерах из Гюзноса и Уляпа. Кроме того, налобник в виде хищника, припавшего на лапы, но без закинутой на спину задней ноги хранится в Краснодарском музее («крылатый хищник» по Е.А. Переводчиковой) (рис. 6, 5)³⁴.

Ажурный налобник из комплекса № 3 1984 г. в виде схематически переданных антитетических головок оленя с рогами, заканчивающимися стилизованными головками хищных птиц (рис. 7, 1), находит почти полную аналогию с прикубанскими налобниками из стан. Гурийской (раскопки Н.В. Веселовского в 1914 г.), хранящимися в Государственном Эрмитаже (рис. 7, 2, 5),

²⁶ ОАК. 1900. С. 37. Рис. 96, 97.

²⁷ Марченко и др. Ук. соч. С. 97. Рис. 3.

²⁸ Переводчикова. Ук. соч. С. 9. Рис. 3, 3; Артамонов М.И. Сокровища скифских курманов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, 1966. С. 40. Рис. 75; Шедевры древнего искусства Кубани... С. 90. Рис. 17.

²⁹ Переводчикова. Ук. соч. С. 48. Рис. 3, 6.

³⁰ Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975. С. 228. Рис. 9, 15, 16; С. 230. Рис. 10–12.

³¹ Фонды ОВАЕС ГЭ Ку 1913, 4/154; 1917 1/153.

³² Шамба. Ук. соч.

³³ Там же.

³⁴ Переводчикова. Ук. соч. С. 48. Рис. 3, 14.

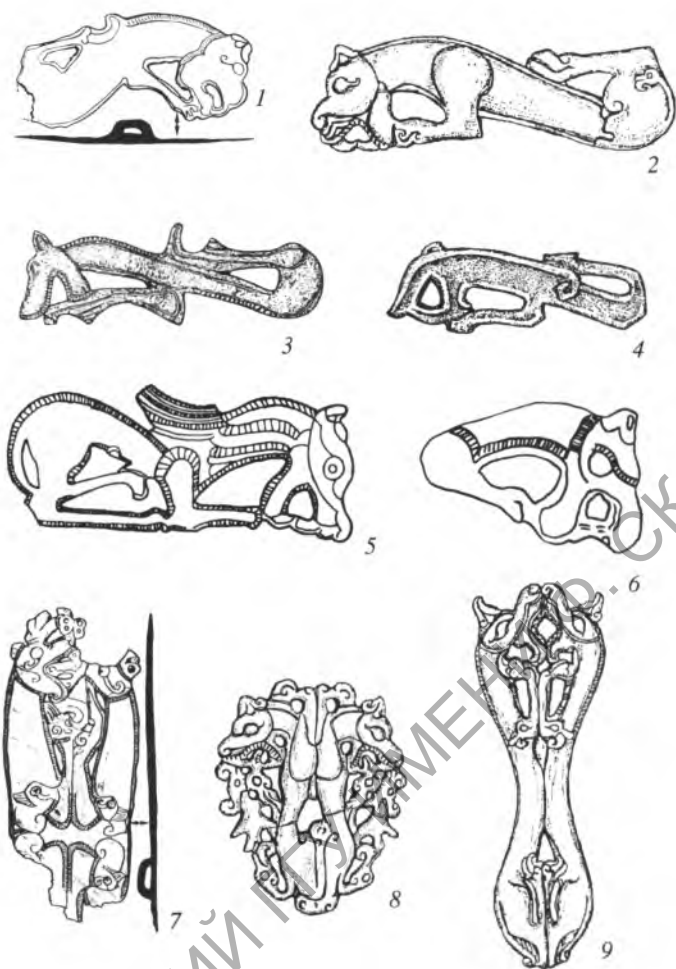

Рис. 6. 1, 7 – Гюэнос; 2 – Уляп, к. 2; 5–6 – Краснодарский музей; 8 – Елизаветинская (1917 г.); 9 – Кужорский курган

и из могильника Лебеди III (рис. 7, 4)³⁵. Еще один ажурный, выполненный в этой же схеме налобник происходит из грунтового могильника у хут. Прикубанского (рис. 7, 3)³⁶. Несколько фрагментов таких же налобников происходят из коллекции Елизаветинских курганов (хранятся в Государственном Эрмитаже)³⁷.

Налобник в виде схематично переданной головки оленя с многоярусными вертикальными рогами (рис. 7, 8) происходит из комплекса № 4 1985 г. Подобную композицию, очевидно являющуюся прототипом данной, мы встречаем в наиболее позднем кургане № 3 группы Семибратних курганов, который относится уже к IV в. до н.э. (рис. 7, 10)³⁸. Почти полная аналогия налобнику из Гю-

³⁵ Фонды ГЭ ОВАЭС 2501/35; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989. Табл. 93, 59.

³⁶ Марченко и др. Ук. соч. С. 97. Рис. 3.

³⁷ Сообщение Л.К. Галаниной.

³⁸ Артамонов. Ук. соч. С. 39. Табл. 74.

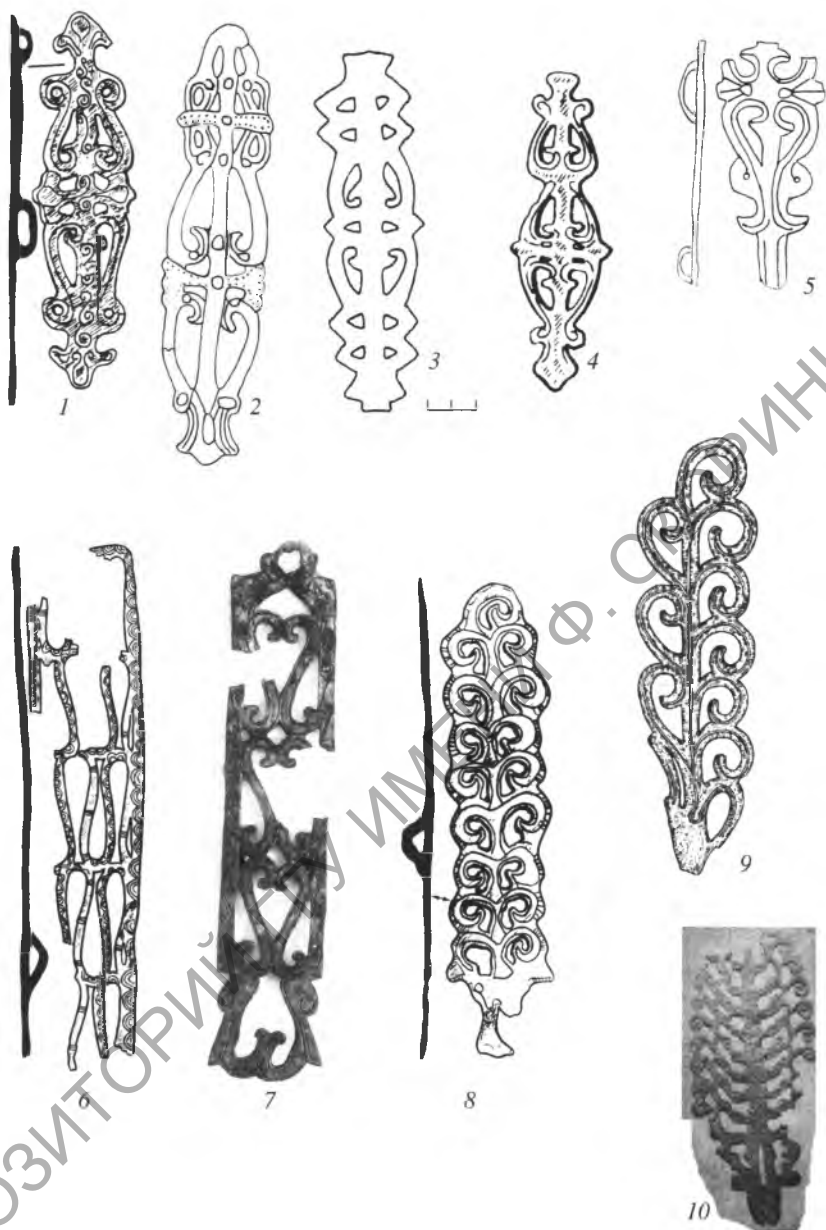

Рис. 7. 1, 6, 8 – Гюзнос; 2, 5 – ст. Гурийская; 3 – хут. Прикубанский; 4 – могильник Лебеди-III; 7 – Уляп, к. 5; 9 – некрополь Тенгинского II городища, к. 2; 10 – Семибратний курган 3. Все бронза

эноса найдена нами во втором Тенгинском кургане в 2001 г. (рис. 7, 9). Подпрямоугольному ажурному налобнику из комплекса № 3 1985 г. (рис 7, 6) С.М. Шамба справедливо привел ближайшую аналогию – подпрямоугольные ажурные налобники из Уляпского кургана 5 (рис. 7, 7)³⁹. Однако следует отметить, что налобник из Гюзноса более схематизирован, орнаментален, птичьи головы, хорошо заметные на уляпских налобниках, на нем уже не различимы.

³⁹ Шамба. Ук. соч. С. 57.

Вероятно, мастер, воспроизводящий его, уже не старался подчеркнуть те зооморфные образы, из которых изначально состояла данная композиция.

Налобник с антитетической сценой терзания происходит из комплекса № 2 1985 г. (рис. 6, 7). Как уже отмечалось выше, симметрия здесь соблюдена лишь для нижней части изделия. Часть предмета утрачена. Насколько мы можем судить, здесь противопоставлены хищник и копытное. К этой же мысли пришел и автор публикации. В целом антитетические композиции являются одной из характерных черт стиля круга Елизаветинской. В качестве примера мы можем привести композицию из двух хищников на налобнике из Кужорского кургана (рис. 6, 9)⁴⁰. Интересно, что на этом налобнике, как и на налобнике из Гюэноса, в композицию включены гравированные изображения головок хищных птиц в средней части. Сложная антитетическая композиция с вертикальной осевой симметрией, изображающая хищников, в пастях которых находятся головы оленей, имеется на пластинах псалиев из Елизаветинской (курган 1917 г.). Она неоднократно воспроизводилась в печатных изданиях (рис. 6, 8)⁴¹.

Налобник в виде двух трапедий из комплекса № 1 1984 г. полных аналогий не находит. Однако, по сообщению Л.К. Галаниной, налобники подобной формы имеются в Елизаветинских курганах. Две симметричные гравированные птички головки на этом налобнике напоминают симметричные птички головки на налобниках с антитетической композицией из Прикубанья, о которых мы писали выше. Полные аналогии изображению передней части хищника в фас в нижней части налобника нам пока не известны.

Наносники представлены в двух уздечных наборах: в комплексе, открытом М. Барамидзе, и комплексе № 2 1984 г., открытом С.М. Шамба. Их можно отнести к типу плоских наносников. На наносном ремне они устанавливались в вертикальном положении при помощи узелков или двух пронозиев. Для IV в. до н.э. плоские наносники более характерны для Прикубанья и Закубанья, в то время как в степи и лесостепи юга Восточной Европы преобладали наносники со скульптурными изображениями животных.

Следует отметить, что полные аналогии наносникам из Гюэноса нам не известны, однако имеющиеся на них изображения можно с полным правом отнести к графическому стилю круга изделий из Елизаветинской. В них имеются все те черты прикубанского звериного стиля IV в. до н.э., о которых мы писали выше. В первом случае наносник несет изображение головки оленя с закинутыми назад рогами. Близкая композиция, однако выполненная в другой манере, встречается на наноснике из Краснодарского музея⁴². У овального глаза оленя заметна четко выраженная изогнутая линия – «слезница», направленная вниз, которая, по мнению Е.Ф. Корольковой, является характерным признаком прикубанского стиля круга Елизаветинской⁴³. Второй наносник совмещает изображения крыла и головки хищной птицы. Здесь также присутствуют все признаки этого стиля: многократное (по крайней мере, трехкратное) повторение образа головки хищной птицы, витиеватость, чрезмерная стилизованность, одновременное совмещение двух зооморфных образов в одном изделии.

Уздечные бляхи из конских уздечек Гюэноса – двух типов. Это бронзовые бляхи с округлым щитком и петлей на обороте, обнаруженные в комплексе № 1 1984 г., были наиболее распространены в скифское время, и бляшки

⁴⁰ Шедевры древнего искусства Кубани... № 9. С. 82. Рис. 7.

⁴¹ Артамонов. Ук. соч. Табл. 142; Переводчикова. Ук. соч. С. 48. Рис. 3, 8.

⁴² КГИАМЗ. № КМ 2776.

⁴³ Королькова. Ук. соч. С. 92.

этого типа широко использовались в Закубанье, где они известны с периода конца VI в.⁴⁴ Использовались они и в украинской лесостепи и у савроматов⁴⁵.

Бляшка-розетка с петлей на обороте происходит из комплекса № 2 1984 г. Близкие бляшки имеются в уляпских курганах.

Оценивая в целом комплексы из Гюэноса, заметим, что все конские захоронения произведены здесь единовременно «примерно на одном горизонте»⁴⁶. Весь приведенный нами круг аналогий датируется в пределах IV в. до н.э. В Прикубанье подобные вещи встречены в Уляпских и Тенгинских курганах, хорошо датированных античными импортами. Уляпские курганы датируются в пределах первой половины IV в. до н.э.⁴⁷, в то время как курганы 1 и 2 некрополя II Тенгинского городища по ряду имеющихся здесь импортных вещей (сетчатых лекифов, терракотовых золоченых медальонов) относятся уже ко второй половине IV в. до н.э. Если в некоторых курганах Уляпа еще встречаются вещи, выполненные в зверином стиле круга Семибратних курганов⁴⁸, то находки из Тенгинских курганов можно отнести к расцвету стиля круга Елизаветинских курганов. К этому же периоду скорее всего мы можем отнести и уздечные принадлежности из Гюэноса, датировав их временем, близким к середине – второй половине IV в. до н.э. Значительное количество предметов, выполненных в прикубанском зверином стиле, а также единая стилистическая выдержанность всех конских гарнитуров не оставляют сомнения в том, что все эти наборы целиком были вывезены из Прикубанья.

Перейдем к обрядовой стороне самого контекста их находок. Как указывает С.М. Шамба⁴⁹, конские черепа на городище, несмотря на то что они были найдены на разных раскопах, находились близко друг от друга в одной части городища, на площади около 300 м². За все годы исследования обнаружено восемь конских наборов. Несомненно, что их было больше. Вероятно, часть их не найдена из-за неполной исследованности, часть же нарушена позднейшими перестройками (сооружением церкви).

Все эти захоронения конских черепов, безусловно, имели ритуальное значение. К этому же заключению приходит и сам исследователь городища⁵⁰. Поскольку весь набор находок – чисто кубанский, мы можем предположить, что имеем дело с остатками святилища, подобного распространенным в это время в Прикубанье святилищам с конскими жертвоприношениями. В Закубанье традиция конских ритуальных жертвоприношений прослеживается еще с протомеотского времени. В могильнике Пшиш VIII–VII вв. до н.э. (степная группа протомеотских памятников) обнаружены ритуальные захоронения коней, состоящих из черепов и остатков конечностей (шкуры)⁵¹.

В период расцвета меотской культуры (IV в. до н.э.) мы можем выделить четыре основных вида меотских святилищ⁵².

⁴⁴ Эрлих. Вооружение и конское снаряжение... С. 167.

⁴⁵ Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968. С. 129; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. 101. С. 153, 154. Рис. 51, 52.

⁴⁶ Шамба. Ук. соч. С. 57.

⁴⁷ Ксенофونتова И.В. Античные импорты Уляпских святилищ // Боспорский феномен. Материалы Междунар. научной конф. Ч. 2. СПб., 2001. С. 124.

⁴⁸ Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV в. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ в 1989–1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М., 1992. С. 57, 58.

⁴⁹ Шамба. Ук. соч. С. 64.

⁵⁰ Там же. С. 57.

⁵¹ Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 84–107.

⁵² Эрлих В.Р. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени (К постановке проблемы) // Боспорский феномен. Материалы междунар. научной конф. Ч. 2. СПб., 2001. С. 115–119.

1. Скопление жертвенных вещей, костей животных без какой-либо деревянной конструкции под небольшой насыпью. Какая-либо система в их расположении не прослеживается (Уляп, курган 4; Воронежские курганы 17 и 18). В кургане 4 Уляпа прослеживаются и остатки человеческих жертвоприношений.

Прототипы подобных святилищ нам известны как в протомеотских жертвенниках типа Ленинхабля⁵³, так и ритуальных комплексах Ястребовского и Холмского могильников⁵⁴.

2. Конские жертвоприношения (целые костяки, черепа коней или только уздечка (конь – *pars pro toto*) без деревянной конструкции и определенной системы под небольшой насыпью (Говердовские курганы 6, 7, 9; курган 14 Уляпа). Скорее всего, этот ритуал восходит к конским жертвоприношениям на протомеотских могильниках (Пшиш I).

3. Жертвоприношения совершаются по определенной системе: конские костяки или черепа лошадей выкладываются по кругу или полукольцом вокруг жертвенника (Уляп, курганы 8 и 9; курган 19 у ст. Воронежской: Кужорский курган?). Вероятнее всего, этот вид святилища находит свои истоки в ритуальных комплексах раннескифского времени Келермесского могильника. Это доисследованные экспедицией Эрмитажа Келермесские курганы 23 и 29 (предположительно курганы раскопок Д.Г. Шульца⁵⁵).

4. Деревянные конструкции – шатры или полушатры (Уляп, курганы 2 и 5; Начерзий, курган 30; Ульский курган 1 1898 г. и 10 1982 г.; Тенгинские курганы 1 и 2). Деревянные конструкции этих святилищ – «шатры» или «полушатры», оградки, вероятно, восходят к известным на территории меотской культуры конструкциям над погребальным сооружением предскифского и раннескифского времени: курган Уашхиту I; I Разменный курган у стан. Костромской.

Однако называть указанные группы типами нельзя, сочетание признаков внутри них неустойчиво. Имеются некоторые общие признаки и у святилищ, отнесенных нами к разным группам. Тем не менее для большинства этих групп меотских святилищ характерны конские жертвоприношения. К сожалению, отсутствие в монографии С.М. Шамба общего плана раскопок на городище Гюэнос не позволяет нам проследить систему в конских захоронениях. Мы можем лишь предполагать, что она была. Как указывает автор, все черепа коней найдены на площади около 300 м². Можно предположить, что черепа лежали по кругу. Аналогичная ситуация прослежена в кургане 1 Тенгинского могильника и в кургане 2 Уляпа, где черепа коней выкладывались вокруг площадки диаметром 4–6 м⁵⁶.

Исходя из этого, мы можем утверждать, что на городище Гюэнос во второй половине IV в. до н.э. совершались конские жертвоприношения по меотскому обряду, сопровождаемые уздой, изготовленной в Прикубанье.

Немаловажен и тот факт, что на восточном холме – единственном наиболее полно исследованном – «жизнь античного поселения, столь бурно начатая, внезапно прекращается» именно ко времени совершения этих жертвоприношений. Наиболее поздние находки из античного слоя городища датируются V – началом IV в. до н.э. Новое обживание этого места, как указывает исследователь,

⁵³ Сазонов А.А. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 73–83.

⁵⁴ Гей А.Н. Отчет о работе Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11062; Василенко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 21–27.

⁵⁵ Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997. С. 72.

⁵⁶ Эрлих В.Р. Святилище некрополя II Тенгинского городища. С. 9. Рис. 2.

произошло лишь в эпоху раннего средневековья, на рубеже V–VI вв. н.э.⁵⁷ В связи с этим можно было бы предположить, что внезапное запустение городища Гюэнос связано с появлением здесь конных отрядов из Прикубанья, которые, разрушив поселение, совершили здесь жертвоприношения.

Следует отметить, что прикубанские вещи, относящиеся к середине – второй половине IV в. до н.э. в Гюэносе, не уникальны для Абхазии. Псалии и налобник, выполненные в «елизаветинском» стиле, найдены в Алексеевском ущелье и в устье р. Келасур⁵⁸. Узда прикубанского облика происходит из разрушенных комплексов у Агудзеры⁵⁹. В Абхазии встречаются меотские мечи, характерные для Прикубанья этого времени (Гуадиху, Сухумская гора, Алексеевское ущелье)⁶⁰. Если раньше находки этих предметов объяснялись присутствием «в районе Диоскуриады... значительной скифской этнической прослойки»⁶¹, то сейчас достаточно четко можно локализовать происхождение всех этих вещей из Прикубанья. Да и само жертвоприношение конских черепов с уздой кубанского типа в Абхазии не уникально. Во всяком случае, в на юго-восточной окраине Сухуми на поселении Ахул-абаа Ю.Н. Вороновым в 1975 г. была открыта яма с двумя конскими черепами и уздой, находящей целый ряд аналогий в курганах Прикубанья IV в. до н.э.⁶²

Найденная на городище Гюэнос конская упряжь из Прикубанья свидетельствует скорее всего об отнюдь не мирном проникновении воинского контингента из этого региона в Закавказье во второй половине IV в. до н.э. Тем не менее само признание этого факта ставит ряд следующих вопросов. Какова причина этих походов? Какими путями эти воинские отряды попадали из Прикубанья в юго-восточную часть Абхазии? Использовались ли при этом перевальные пути или существовала дорога вдоль берега Черного моря? Связаны ли эти походы с поступлением в Прикубанье и Предкавказье во второй половине IV в. до н.э. импортных изделий из Малой Азии (украшений из золоченой терракоты, малоазийской керамики)?

На все эти вопросы еще предстоит ответить.

A MAEOTIC SANCTUARY IN ABKHAZIA

V.R. Erlikh

The author analyses the materials of horse offerings of the 4th century BC found in 1977–1985 on the third mound of the Ochimchir settlement (ancient Hyaenos according to the majority of scholars). He comes to the conclusion that the details of bridle sets were made on the territory the Kuban area and compares them with the artifacts of the kurgans near Elizavetinskaya station. The rite of burying horses' crania with bridles is also characteristic for the Maeotic sanctuaries of the 4th century BC. This enables the author to conclude that a certain Maeotic military contingent was present in Trans-Caucasia in the 4th century BC and that its presence was connected with the depopulation of mound No. 3. The Maeotic sanctuary is the latest complex of the ancient layer.

The author infers that sporadic finds in Abkhazia dating back to the 4th century BC, which used to be explained by the "presence of a significant Scythian ethnic layer" (Yu.N. Voronov), are to be connected with the Maeotic culture of the Kuban area.

⁵⁷ Шамба. Ук. соч. С. 64.

⁵⁸ Воронов. Ук. соч. С. 228. Рис. 9, 3, 7, 15, 16; С. 230. Рис. 10–12.

⁵⁹ Там же. С. 231. Рис. 11.

⁶⁰ Там же. С. 223. Рис. 5, 15, 19, 22, 25.

⁶¹ Там же. С. 57.

⁶² Воронов Ю.Н. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // РА. 1991. № 1. С. 230–231. Рис. 6.